

С.А.Васильев

«ЕЩЕ ОДНА ДВЕРЬ, И ПЕРЕД НАМИ СЕРДЦЕ ВИЗАНТИИ» (СТИЛЕВЫЕ ЧЕРТЫ ОБРАЗА АЙЯ-СОФИИ В ПРОЗЕ НАЧАЛА ХХ ВЕКА)

К изображению константинопольского храма Софии Премудрости Божией — стамбульской Айя-Софии в первые десятилетия ХХ века обращались в своих прозаических произведениях И.А.Бунин, Н.С.Гумилев, И.С.Шкапа. Наиболее развернуто и содержательно это сделал И.А.Бунин в своей «путевой поэме», открывающей одноименный цикл «Тень птицы», что является темой отдельного исследования. Цель данной статьи — выявить стилевые особенности образов Айя-Софии в «Африканском дневнике» Н.С.Гумилева и в книге очерков литературного секретаря А.М.Горького И.С.Шкапы «Лицом к лицу», в значительной степени строящихся на основе художественного диалога с Буниным. Н.С.Гумилев создал целостный образ храма, однако целью его поездки и, соответственно, основным фокусом художественного внимания была Африка. В отличие от Бунина, отражая культурный стиль иной эпохи и, вероятно, не без решения полемических задач, подробное, выстроенное через контраст впечатлений от внешнего вида и внутреннего убранства, интерьера храма, но без бунинских ретардаций и лирико-поэтической доминанты собственное описание храма создает И.С.Шкапа. Он сделал акцент на иронии, антирелигиозной пропаганде и классовой борьбе, что, впрочем, оказалось существенно смягченным в последнем прижизненном издании его журналистской книги в 1990 г.

Ключевые слова: И.А.Бунин, Н.С.Гумилев, И.С.Шкапа, образ, храм, Айя-София

Храм Софии — Премудрости Божией, или Айя-София — величайший памятник византийской архитектуры и мировой культуры [1], символ двух религий — православия и ислама, традиционный предмет изображения в религиозном искусстве [2], в русской литературе различных эпох [3]: в «Повести временных лет» (XII в.), «Хождении» о. Иоанна Лукьянова (начало XVIII в.); в стихотворениях Ф.И.Тютчева, И.А.Бунина, В.Я.Брюсова, О.Э.Мандельштама; в прозе: «Тени птицы» И.А.Бунина, «Африканском дневнике» Н.С.Гумилева, публицистической книге секретаря А.М.Горького И.С. Шкапы, а в начале XXI в. — в современном «хождении» В.Я.Курбатова «Наше небесное Отечество».

Первое и наиболее развернутое, художественно многогранное, символично-поэтическое воплощение Святой Софии в прозе начала ХХ века осуществлено И.А.Буниным, и это тема отдельного исследования [4]. Образ Айя-Софии является центральным для первой из его «путевых поэм» — «Тень птицы», но не для всего одноименного цикла, ориентированного в первую очередь на знакомство со святынями Палестины. Сквозным и ключевым для всего произведения он воплощен у другого писателя, уже нашего времени, В.Я.Курбатова. Он создал новое «хождение» — «Наше небесное Отечество» и предложил сделать паломнический акцент не на Святой земле, а на местах, связанных с первым христианским государством — древней Византией, Восточной Римской империей, в публицистическом ключе соотнес Второй и Третий Рим на примере судьбы и символики Софийского собора [5].

Бунинский образ строится на основе художественного синтеза [6]: литературы и архитектуры (в форме развернутого экфрасиса — детального описания собора), поэзии и прозы (на основе ассоциативной функции повторов, художественной детали), лирики и эпоса (через реализацию своеобразного лирического сюжета, проходящего красной нитью через описание путешествия — паломничества).

Приведем один из многочисленных примеров бунинского экфрасиса: «...я вижу на яркой густой синеве бледно-желтую с красными полосами громаду Ая-Софии: громаду неуклюжую, выходящую из циклопических каменных подпорок и пристроек, над которыми, в каменном кольце окон, царит одно из чудес земли — древне-приземистый, первобытно-простой, огромный и единственный на земле по легкости полушар-купол» [7]. Бунин точен в деталях, обращается к описанию собора исключительно внимательно, любовно и вместе с тем без ложного пиетета, подчас балансируя на грани карикатуры («громаду неуклюжую») или даже (в чьих-то глазах) «кошунства», но никогда эти грани не переходя. П.И.Тартаковский, размышляя над поэзией автора, отметил «особый метод бунинского воспроизведения восточного мира, характеризующий синтезом “бытового” и “романтического” реализма» [8], что применимо и к данному, тоже ориентальному, образу.

Несколькими годами позже Бунина относительно небольшое художественное описание «священнейшего из храмов» дал другой знаменитый писатель-путешественник — Н.С.Гумилев, как и его старший современник, осмотревший Софию Константинопольскую по дороге на юг, но в его случае еще далее — в Африку: «...мы прошли в Айя-Софию. ...вошли в прохладный, полутемный коридор, окружающий храм. <...> Еще одна дверь, и перед нами сердце Византии. Ни колонн, ни лестниц или ниш, этой легко доступной радости готических храмов, только пространство и его стройность. Чудится, что архитектор задался целью вылепить воздух. Сорок окон под куполом кажутся серебряными от проникающего через них света. Узкие простенки поддерживают купол, давая впечатление, что он легок необыкновенно. <...> На стенах еще видны тени замазанных турками ангелов. Какой-то маленький седой турок... показал нам зарубку на стене, сделанную мечом султана Магомета; след от его же руки омочен в крови; стену, куда, по преданию, вошел патриарх со святыми дарами при появлении турок» [9].

Писатель создал содержательное, но гораздо более компактное по сравнению с бунинским и своего рода энциклопедическое описание храма (о сравнении жанровых поэтик, связанных с литературными путешествиями Бунина и Гумилева, см.: [10]). Оно включает как любопытную образную интерпретацию поставленной архитектором задачи («задался целью вылепить воздух»), деталей интерьера, знаменитого купола и его «легкости», указание на художественный стиль (отличия от готики), так и историю, легенды, собственное впечатление. Путешественник аскетически отказывается от дальнейшего знакомства с городом, повидав главное — дом Бога, вступив с ним в сакральное общение: «Я не турист. К чему мне после Айя-Софии гудящий базар с его шелковыми и бисерными искушениями, кокетливые перы, даже несравненные кипарисы кладбища Сулемания. Я еду в Африку и прочел “Отче наш” в священнейшем из храмов» [9, с. 74].

Бунинский образ храма Святой Софии не только очень объемный, детальный, но и высокохудожественный, семантически исключительно насыщенный, что не для всякого развернутого литературного изображения характерно. В стилевом плане от него кардинально отличается скорее всего созданное полемически объемное описание литературного секретаря М.Горького И.С.Шкапы, побывавшего в начале 1930-х гг. в зарубежной творческой командировке, видевшего Святую Софию и опубликовавшего свои наблюдения в книге «Лицом к лицу» (1934), позже включенной в другое издание автора.

Шкапа писал: «Достройки и пристройки превратили Айя-Софию в нагромождение кирпичных стен с узкими оконцами, похожими на бойницы. Приплюснутые куполы, в соседстве с высокими столбами минаретов, делают здание каким-то разлапистым, сутулым. Извне это “чудо византийского зодчества” выглядит очень убого, напоминая толстую бабу, окруженную выводком уродливых дочек» [11, с. 248].

И.С.Шкапа — литератор, талантливый журналист, будучи человеком своего времени и к тому же находясь «на работе», в командировке, о прохождении которой надо будет дать отчет — творческий, в виде книги, и, возможно, не только творческий, в начале своего описания собора использует иронически пренебрежительный тон. Он закавычивает искусствоведческий и туристический штамп — характеристику собора как «чуда византийского зодчества» и развенчивает его с помощью иронии. Близки по стилистике бунинским некоторые натуралистические, подчеркнута лишенные пафоса детали описания, в отличие от своего старшего современника, грань пародии или даже издевки, глумления, сознательно переступает: «*Приплюснутые куполы*», здание видится «разлапистым, сутулым», «напоминая *толстую бабу*, окруженную выводком *уродливых дочек*» (выделено нами. — С.В.). Последняя гротескная составляющая описания имеет живописную основу, соотносится с известными образами купчих конца XIX — начала XX века (Б.М.Кустодиев и др.), конечно, принципиально трансформированных.

Однако мастерство журналиста, литератора проявилось в умении создать динамический образ, живую композицию, что отчасти проявилось через корректировку речевой манеры. От первого впечатления, применения штампов автор переходит к более глубокому знакомству с собором. Он входит внутрь, что знаменует перемену и образов, и стиля описания: «Но первое впечатление постепенно проходит. Вырастает удивление перед исключительными размерами сооружения. До зенита купола шестьдесят пять метров. Опираясь на шесть полукуполов, розоватый звездный шатер, словно модель небосвода, буквально парит, распластавшись шестикрылием более чем на сорок метров. Богатейшая отделка — золотом, инкрустациями кружевных трибун для султана, игра цветных камней и благородных металлов, блеск мраморных колонн — их сто восемь, — все это незаметно овладевает вошедшим и держит его в своей власти» [11, с. 248-249].

На смену иронии приходит удивление. Расхожий речевой образ — купол «парит» — уже не вызывает усмешки. Возникает собственная красивая эмоциональная метафора — «розоватый звездный шатер». Описание внешнего вида собора сменяется литературным интерьером, где отправной точкой изображения становится купол, размер которого (31,5 м) преувеличен — до 40 м, что характерно для произведенного храмом на журналиста впечатления. Христианский архитектурный замысел и прошлое не противоречат исламскому настоящему: храм по-прежнему величествен, он прочно держит вошедшего «в своей власти».

От настоящего Шкапа переходит к прошлому собора, напоминая о его связи с Древней Русью — послами князя Владимира: «Несомненно, будучи храмом, Айя-София выглядела более роскошно. Император Юстиниан истощил на ее постройку все доходы империи. <...> “Соломон, я победил тебя”, — воскликнул тщеславный император, войдя в храм после его освящения. Как могли себя чувствовать в этой церкви полудикие послы русских, приехавшие в Константинополь выбирать нового бога? Богатство, красота, торжественность богослужения при полыхании шести тысяч золотых лампад ошеломили их. И недаром летописец повествует, что “они не знали, где находятся — на небе или на земле”» [11, с. 249].

Идеологический посыл, давший себя знать в начале описания, проявляется вновь в его конце через ряд публицистически и вновь иронически и пренебрежительно окрашенных пассажей: «По сей день это колоссальное капище двух религий — окутывают легенды. Тринадцать веков его эксплуатировало христианство, пять столетий в Айя-Софии собирают жатву магометанские попы. Капище полно “чудес”: в нем есть влажная колонна, непрерывно источающая целительные слезы; постоянная ледяная струя воздуха из “холодного” окна вдохновляет проповедников исламизма; на верхней галерее около западного окна во мраке ночи “таинственно” светится волшебный камень — плита персидского мрамора. Христианская легенда уверяет, что в особо тихие минуты в стенах Айя-Софии можно услышать таинственные церковные песнопения греческого священника. Он будто бы укрылся в стену в день падения Константинополя 9 мая 1453 года... и будет в ней пребывать до изгнания турок из Европы. К св. Софии и по сей час тянутся не совсем еще обрезанные нити политических вождедений, создавших так называемый восточный вопрос» [11, с. 249-250].

Как и у Бунина, храм именуется капищем, но стиливая функция образа меняется. Добавляется идеологический посыл о том, что христианство эксплуатировало собор (как и трудящихся — штамп времени, черта стиля эпохи). Чудеса там, по мысли автора, конечно, ложные. Неслучайно несколько слов: «чудес», «холодного», «таинственно» взяты в обозначающие иронию кавычки. Так, описание И.С.Шкапы оказывается стилистически закольцованным, завершенным.

Характерно, что в прижизненном издании очерков 1990 г., т. е. спустя более полувека после выхода первого издания книги, писатель смягчил ряд деталей описания, попытался снять пренебрежительный тон, сделать образ более сбалансированным, литературным. Вероятно, он также учитывал веяние эпохи, но, конечно, иного, противоположного началу 1930-х гг. характера, в частности, возрождение церковной жизни, торжественно отпразднованное в СССР 1000-летие крещения Руси и другие подобные факты. Так, здание напоминает уже не «толстую бабу», а «толстую купчиху» (живописная аллюзия, очевидно более конкретизирована). Вместо вызывающего — «колоссального капища» дано иное, сбалансированное и уважительное: «колоссальное сооружение — святыню двух религий». Снято вульгарно социологическое выражение: «Тринадцать веков его эксплуатировало христианство». Вместо этого появилось нейтральное: «Около десяти веков оно служило христианству». Пренебрежительное выражение «магометанские попы» заменено на нейтральное и точное «муллы» [12].

Итак, константинопольский (стамбульский) храм Софии Премудрости Божией — Айя-Софии привлекал внимание русских писателей в начале XX в. Первым в ряду авторов, обратившихся к его созданию и художественно наиболее развернуто и семантически глубоко его воплотившим был И.А.Бунин. С опорой на многоаспектный художественный синтез он создал сквозной для первой «путевой поэмы» «Тень птицы» образ собора. Для Бунина важным является не только целостный и развернутый образ храма сам по себе, каковой в стиле компактного, содержательного, даже «энциклопедического» описания создал в своем «Африканском дневнике» Н.С.Гумилев, но и его символические черты. Отражая культурный стиль иной эпохи и, вероятно, не без решения художественно-polemических задач, подробное, сопоставимое с бунинским по объему, выстроено через контраст впечатлений от внешнего вида и внутреннего убранства, интерьера храма, но уже без бунинских ретардаций и лирико-поэтической доминанты собственное описание храма создал И.С.Шкапа. Он сделал акцент на иронии, антирелигиозной пропаганде и классовой борьбе, что, впрочем, контрастировало с заинтересованно-благожелательной центральной частью образа и позже оказалось существенно смягченным в последнем прижизненном издании его журналистской книги в 1990 г.

1. Виноградов А.Ю., Захарова А.В., Черноглазов Д.А. Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2020. 486 с.
2. Брюсова В.Г. София Премудрость Божия в древнерусской литературе и искусстве. М.: Белый город, 2004. 208 с.
3. Васильев С.А. Образ константинопольского храма Софии Премудрости Божией в русской литературе XII—XXI вв. // Синтез в русской и мировой художественной культуре. Материалы X научно-практической конференции, посвященной памяти А.Ф.Лосева. М.: Литера, 2010. С. 42-48.
4. Васильев С.А. «Возвышается София над городом, как корабль на якорю!» (Стилиевые черты образа Айя-Софии в «путевой поэме» И.А.Бунина «Тень птицы») // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022 (в печати).
5. Курбатов В.Я. Наше небесное отечество. Записки православного путешественника. Иркутск: Сапронов, 2007. 264 с.
6. Минералова И.Г. Русская литература серебряного века. Поэтика символизма. М.: Флинта, 2009. 268 с.
7. Бунин И.А. Тень птицы // Бунин И.А. Полное собрание сочинений: В 13 т. Т. 3. М.: Воскресенье, 2006. С. 376.
8. Тартаковский П.И. Русские поэты и Восток. Бунин. Хлебников. Есенин. Статьи. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1986. С. 15.
9. Гумилев Н.С. Африканский дневник // Гумилев Н.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 6. С. 73.
10. Анисимов К.В. Ближний Восток И.А.Бунина и Африка Н.С.Гумилева: путешествия по «карте» литературных школ // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 237-256.
11. Шкапа И. (Гриневский). Лицом к лицу / Рисунки В.Милашевского. М.: Московское товарищество писателей, 1934. 269 с.
12. Шкапа И. Семь лет с Горьким. Своими глазами. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1990. С. 493-494.

References

1. Vinogradov A.Yu., Zakharova A.V., Chernoglazov D.A. Khram Svyatoy Sofii Konstantinopol'skoy v svete vizantiyskikh istochnikov [Church of Hagia Sophia of Constantinople in the light of Byzantine sources]. St. Petersburg, 2020. 486 p.
2. Bryusova V.G. Sofiya Premudrost' Bozhia v drevnerusskoy literature i iskusstve [Sofia Wisdom of God in ancient Russian literature and art]. Moscow, 2004. 208 p.
3. Vasil'ev S.A. Obraz konstantinopol'skogo khrama Sofii Premudrosti Bozhiey v russkoy literature XII—XXI vv. [The Image of the Constantinople Temple of Sophia the Wisdom of God in Russian Literature of the 12th — 21st Centuries]. Proc. of "Sintez v russkoy i mirovoy khudozhestvennoy kul'ture". Moscow, 2010, pp. 42-48.
4. Vasil'ev S.A. "Vozvyshaetsya Sofiya nad gorodom, kak korabl' na yakore!" (Stilievye cherty obraza Ayya-Sofii v "putevoy poeme" I.A.Bunina "Ten' ptitsy") ["Sofia rises above the city like a ship at anchor!" (Style features of the image of Hagia Sophia in the "travel poem" by I.A.Bunin "The Shadow of a Bird")]. Vestnik Gosudarstvennogo humanitarno-tekhnologicheskogo universiteta, 2022 (in print).
5. Kurbatov V.Ya. Nashe nebesnoe otechestvo. Zapiski pravoslavnogo puteshestvennika [Our heavenly home. Notes of an Orthodox Traveler]. Irkutsk, 2007. 264 p.
6. Mineralova I.G. Russkaya literatura serebryanogo veka. Poetika simvolizma [Russian Literature of the Silver Age. Poetics of symbolism]. Moscow, 2009. 268 p.
7. Bunin I.A. Ten' ptitsy [Shadow of a bird]. Bunin I.A. Complete works in 13 vols, vol. 3. Moscow, p. 376.

8. Tartakovskiy P.I. Russkie poety i Vostok. Bunin. Khlebnikov. Esenin. Stat'I [Russian poets and the East. Bunin. Khlebnikov. Yesenin. Articles]. Tashkent, 1986, p. 15.
9. Gumilev N.S. Afrikanskiy dnevnik [African diary]. Gumilev N.S. Collected works in 10 vols, vol. 6, p. 73.
10. Anisimov K.V. Blizhniy Vostok I.A.Bunina i Afrika N.S.Gumileva: puteshestviya po "karte" literaturnykh shkol [Middle East of I.A.Bunin and Africa of N.S.Gumilyov: travels on the "map" of literary schools]. *Imagologiya i komparativistika*, 2022, no. 17, pp. 237-256.
11. Shkapa I. (Grinevskiy). Litsom k litsu / Risunki V.Milashevskogo [Face to face. Drawings by V.Milashevsky]. Moscow, 1934. 269 p.
12. Shkapa I. Sem' let s Gor'kim. Svoimi glazami: Vospominaniya [Seven years with Gorky. Through my own eyes: Memories]. Moscow, 1990, pp. 493-494.

Vasil'ev S.A. "One more door and here comes the heart of Byzantine" (The stylistic features of image of Hagia Sophia in the prose of the early 20th century). The image of the Church of Holy Wisdom of Constantinople which is nowadays is Hagia Sophia Grand Mosque was used in works of I.A.Bunin, N.S.Gumilev, I.S.Shkapa in the early 20th century. The most complete and full description was made by I.A.Bunin in his "travel poem" from "Bird's Shadow". The goal of this article is to analyze the similarities and stylistics of the images of Hagia Sophia in Gumilev's "African Diary" and Shkapa's "Face to Face". Both of this works take a lot from Bunin's work, so they are made on the basis of a special dialog with him. N.S.Gumilev made a full image of the church, but his main goal was to explore the culture of Africa. I.S.Shkapa showed a cultural style of another era through the contrast of impressions from the appearance and interior decoration without lyrical-poetic dominance and retardation we saw in Bunin's work. He focused on irony, anti-religious propaganda and class struggle.

Keywords: I.A.Bunin, N.S.Gumilev, I.S.Shkapa, image, church, Hagia Sophia.

Сведения об авторе. Сергей Анатольевич Васильев — доктор филологических наук, профессор; Московский городской педагогический университет, институт гуманитарных наук, кафедра русской литературы, ORCID: 0000-0002-6985-5002; okdomovenok@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.08.2022. Принята к публикации 01.09.2022.

Ссылка на эту статью: Васильев С.А. «Еще одна дверь, и перед нами сердце Византии» (Стилевые черты образа Айя-Софии в прозе начала XX века) // *Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 5(44). С. 589-592. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).589-592*

For citation: Vasil'ev S.A. "One more door and here comes the heart of Byzantine" (The stylistic features of image of Hagia Sophia in the prose of early XX century). *Memoirs of NovSU*, 2022, no. 5(44), pp. 589-592. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.5(44).589-592